
ДЕФФОНТЕН Н. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ФАТАЛИСТИЧЕСКОГО САМОУБИЙСТВА: ФЕРМЕРЫ: ЗАБЫТЫЙ ТИП В ФОКУСЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Реф. ст.: DEFFONTAINES N. Le suicide fataliste revisité : les agriculteurs : une loupe sociale pour l'étude de ce type oublié // Sociologie. – 2020. – Vol. 11, N 2. – P. 113–129.

Ключевые слова: фаталистическое самоубийство; Дюркгейм; нормативные требования; социальная регуляция; фермеры.

Для цитирования: Ушкова Е.Л. Реф. ст.: Деффонтен Н. Переосмысление фаталистического самоубийства: фермеры: забытый тип в фокусе социальных исследований // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2021. – № 3. – С. 48– 55. – Реф. ст.: Deffontaines N. Le suicide fataliste revisité : les agriculteurs : une loupe sociale pour l'étude de ce type oublié // Sociologie. – 2020. – Vol. 11, N 2. – P. 113–129.

Тема самоубийств фермеров поднималась во французской прессе с 1970-х годов; в качестве их причин единодушно указывались кризис и массовая задолженность хозяйств в силу падения цен на сельхозпродукцию, а также одиночество фермеров из-за того, что мужчинам трудно найти себе пару в сельской местности. Николя Деффонтен (Университет Гавра, Франция) задается вопросом, можно ли уложить суицидогенные факторы, действующие в данной ситуации, в дюркгеймовскую типологию.

Э. Дюркгейм в своей классической работе «Самоубийство: социологический этюд» (1897) выделяет четыре вида самоубийства, основываясь на двух понятиях: социальной интеграции и регуляции. Соответственно, эгоистическое самоубийство вызвано дефицитом интеграции в общество, альтруистическое – его избытком, аномическое – дефицитом регуляции со стороны общества и фаталистическое – его избытком. Однако фаталистическому само-

убийству он уделяет крайне мало внимания, объясняя это трудностью подобрать современные примеры данного типа, что впоследствии стало одной из причин критики его типологии. Начиная с М. Хальбвакса ставили под вопрос уместность разграничения интеграции и регуляции, особенно англосаксонские социологи, не видевшие оснований разделять эгоизм и аномию, поскольку они связаны с одной и той же причиной – индивидуализацией¹. Дальнейшая суицидология больше внимания уделяла интеграции, чем регуляции, и эгоистическому самоубийству. Впрочем, работы Ф. Беснара² и Ф. Стейнера³ прояснили дюркгеймовское понимание этих понятий: интеграцию – как то, что привязывает индивида к группе, сочетание верований, чувств, общих практик; а регуляцию – как нормативную власть социума, регулирующую поступки индивидов для их согласования.

Социологические опросы, проведенные в рамках исследования Н. Деффонтена, также обозначили важность разграничения интеграции и регуляции. Жизненные траектории людей, совершивших самоубийство, по всем параметрам противоположны эгоистическому самоубийству Дюркгейма: у фермеров были высокие параметры социальной интеграции (женаты, имели детей, состояли в профсоюзе или ассоциации). При этом в их жизни имел место плотный профессиональный и семейный контроль.

Цель статьи автор видит в том, чтобы на примере французских фермеров пересмотреть дюркгеймовское понятие фаталистического самоубийства. Чтобы найти связь между случаями суицидов и семейными ситуациями, он дополнил количественные методы (статистику самоубийств людей, занятых в сельском хозяйстве, с 1968 по 2011 г.) качественными (интервью с информантами из окружения фермеров: социальными работниками из профсоюза, коллегами, соседями, работниками «Solidarité Paysans» – ассоциации по поддержке фермеров, находящихся в трудном по-

¹ *Gibbs J., Martin W.* Status integration and suicide : a sociological study. – Eugene : Univ. of Oregon press, 1964; *Johnson B.D.* Durkheim's one cause of suicide // American sociological rev. – 1965. – Vol. 30, N 6. – P. 875–886; *Pope W.* Durkheim's suicide : a classic analyzed. – Chicago (IL) : Chicago univ. press, 1976.

² *Besnard Ph.* L'anomie, ses usages et ses fonctions dans la discipline sociologique depuis Durkheim. – P. : PUF, 1987.

³ *Steiner Ph.* La sociologie de Durkheim. – P. : La Découverte, 1994.

ложении), с тем чтобы реконструировать жизненные траектории покончивших жизнь самоубийством. На основе интервью были воссозданы жизненные траектории 28 фермеров, мужчин и женщин, покончивших с собой, в двух наиболее суицидогенных французских регионах, специализирующихся в животноводстве. Были также предприняты попытки фактографического подкрепления рассказанных историй и их подтверждения в беседах с другими людьми.

Автор считает, что использование им качественных методов не противоречит дюркгеймовской социологии и ее цели найти социальные причины самоубийства, несмотря на то что сам Дюркгейм работал со статистикой самоубийств, относясь к жизненным историям окружающих как к недостоверным интерпретациям. Его отторжение микросоциального измерения было связано с намерением институционализировать социологию как дисциплину. Его последователь Хальбвакс позже доказал близость социальных причин и индивидуальных мотивов, что дает основания делать последние предметом социологического изучения.

Основываясь на дюркгеймовском утверждении о том, что фаталистическое самоубийство связано с избытком регуляции, автор статьи ставит задачу показать, как в фермерском домохозяйстве жесткий нормативный контроль возникает в результате наложения домашней и профессиональной сфер, которое сопровождается противоречивыми отношениями между поколениями.

Анализируя фрагмент текста Дюркгейма, посвященный фаталистическому самоубийству, автор статьи предполагает, что этот тип самоубийства может не только иметь историческое значение, как считал классик французской социологии, но и быть плодотворным для осмысления современных социальных фактов. Например, для интерпретации серии самоубийств на предприятиях Рено, где в процессе труда на сотрудников оказывалось сильное нормативное давление, или самоубийств иранских женщин, сталкивающихся с двойным давлением: самоизоляции в сфере частной жизни и ограничением участия в социальной жизни. В статье привлекается внимание к гипотезе Ф. Вебер, предположившей, что фаталистические расстройства могут объясняться неспособностью или невозможностью некоторых индивидов устанавливать и под-

держивать границу между различными сферами жизни¹. Этот подход кажется автору плодотворным применительно к фермерам, поскольку у них наблюдается очень тесное переплетение домашней и профессиональной сфер из-за их пространственной близости, смешения контактов, связанных с трудовой деятельностью и частной жизнью. Данный подход идет вразрез с устоявшимся в научной литературе восприятием семьи как фактора, предохраняющего от суицида, поскольку она интегрирует, а не регулирует.

Однако регулирующая функция семьи известна в социологии, где рост индивидуализма связывается не с потерей ею способности к контролю и исчезновением семейных норм, а лишь с их переконпоновкой. Возникновение в семейной сфере новых, иногда противоположных старым, норм приводит к их вынужденному сосуществованию. С точки зрения роли семейных отношений для понимания фаталистического суицида автору кажется продуктивной работа К. Люшера², который настаивает на различении конфликта, подразумевающего возможность разрешения, и амбивалентности внутрисемейных отношений, когда домочадцы вынуждены при наличии противоположных и непримиримых позиций находить компромисс ради сохранения относительного семейного единства.

В статье показано, каким образом амбивалентность межпоколенческих отношений приводит молодых фермеров к самоубийству. Из-за необходимости продолжать семейное дело они находятся во власти противоречивых нормативных требований: самостоятельности супружеской пары и родительского контроля, профессиональной независимости и уважения к семейному наследию. «Социальная эволюция как семейных (ожидание индивидуальной эмансипации), так и профессиональных норм (фермерское хозяйство как личный проект) обостряет амбивалентность межпоколенческих отношений, поскольку она усиливает расхождение между социальными структурами и индивидуальными ожиданиями» (с. 117). В жизни фермеров это усиливается неизбежным

¹ Weber F. Du Suicide de Durkheim à l'analyse des troubles psychiques dans un monde bouleversé : pour un nouveau dialogue entre science sociale et psychologie // Durkheim aujourd'hui / éd. par Ch. Cuin, R. Hervouet. – P. : PUF, 2018. – P. 163–187.

² Lüscher K. Intergenerational ambivalence : further steps in theory and research // J. of marriage a. family. – 2002. – Vol. 64, N 3. – P. 585–593.

наложением домашней и профессиональной сфер. Данная ситуация квалифицируется как фаталистическая, поскольку характеризуется не ослаблением семьи, но, напротив, плотным и постоянным социальным контролем с ее стороны.

Далее в статье проводится качественный этнографический анализ двух случаев суицида, которые свидетельствуют о семейном характере фермерского труда, что подтверждается статистикой (84% постоянной рабочей силы, занятой на фермах, связано родственными отношениями) (с. 119). Постоянный обмен услугами между работниками, связанными родственными узами, происходит в соответствии с логикой взаимопомощи, а не учета и финансового возмещения потраченных на них часов. К тому же этот обмен не разграничивается в рамках частной и профессиональной сфер, так как при фермерском ведении хозяйства обе они смешаны как с точки зрения пространства, так и временного ритма. При подобной семейной форме капитализма экономическая сфера неотделима от остальных сфер, а ее формальная автономизация труднодостижима. Положению молодого фермера внутренне присуща противоречивость; перед ним стоят несовместимые требования: обеспечить автономию собственной семьи и сохранить целостность фермерского хозяйства, неотъемлемой частью которого являются родители. Фермер оказывается между супругом и родителями, не имея возможности сделать выбор. В момент самоубийства он стоит перед неразрешимой дилеммой: как не утратить ни супружескую, ни родительскую привязанность.

Другое нормативное противоречие, оказывающее давление на молодых фермеров, – зависимость от семейного наследия (обязанность сохранить семейное наследие в виде фермерского хозяйства) в противовес профессиональной независимости. При выборе последнего варианта противостояние старых и новаторских, распространённых в последние годы экологических сельскохозяйственных практик порождает межпоколенческую напряженность.

Прежде всего, возможность стать фермером связана с наличием капитала или фермы, которые достаются от родителей, и в целом аккумуляция капитала происходит внутри семьи от поколения к поколению и рассчитано на продолжение детьми семейного дела. Вопреки меритократической риторике, власти поощряют семейное накопление капитала, утверждает автор. Модернизация

французского сельского хозяйства не пошла против семьи, но, напротив, создала механизмы, благоприятствующие семейному хозяйству как организационной модели. Нормативное требование продолжить семейное дело довлеет над молодыми фермерами и вынуждает их быть лояльными к родительским ожиданиям.

При этом передача хозяйства от старшего поколения к младшему, по мнению французского социолога, сегодня воспринимается не только как преемственность, но и как разрыв между поколениями. С одной стороны, имеет место зависимость молодого фермера от наследия, а с другой – от него ожидается отступление от родительской модели для воплощения собственной модели. Это проявляется особенно ярко, когда дети фермеров получают высшее образование. Ожидание успешности в воплощении собственного проекта на ферме еще больше довлеет над ними, как и в случае следования альтернативному способу ведения хозяйства. Таким образом, в жизни молодого фермера сталкиваются две нормативные системы.

Автор констатирует, что среди женщин-фермеров уровень самоубийств выше, чем в других социально-профессиональных категориях. Это отчасти объясняется, по его мнению, тем, что их статус фермера более значим в выстраивании ими социальной идентичности. Он также отмечает более частое применение радикальных, «мужских» методов самоубийства среди них (повешение, использование огнестрельного оружия): 70% против 40–50% среди женщин, принадлежащих к другим профессиональным категориям (с. 123).

Подтверждением обоснованности отнесения случаев суицида молодых фермеров к типу фаталистического самоубийства служат еще два обстоятельства: невозможность выстроить стратегию, которая позволила бы им найти личное пространство, чтобы укрыться и отдохнуть от контроля, и неизбежность семейного контроля, что может восприниматься как нечто неумолимо довлеющее. В определении этого типа самоубийства Дюркгеймом подчеркивается именно восприятие правила как гнетущего. Избыточная зарегулированность означает для индивида невозможность избежать этих нормативных рамок, независимо от его собственного желания. Отсутствие места для уединения, личного пространства усугубляется тем, что рабочее место чаще всего располагается в жи-

лом доме фермера, что усиливает смешение профессиональной и частной сфер жизни, трудности с установлением личных границ. В этом особенность занятия фермерством в отличие от других видов трудовой занятости, в частности наемной занятости.

Помимо того обстоятельства, что неформальные экономические практики между родственниками неизбежны при ведении хозяйства, от семейного регулирования трудно освободиться также в силу того, что оно является в высшей степени легитимным. Семейная форма организации труда на ферме, основанная на разделении обязанностей не по компетентности и квалификации, а по возрасту, полу, родственному статусу, воспринимается как очевидная. Ее критика может выглядеть как неблагодарность и даже предательство по отношению к родителям. Разрыв этой традиции может осознаваться в символическом плане как прерывание одной из сторон цикла обмена дарами, запущенного наследованием семейной фермы. Сын или дочь фермера чувствуют, что на них лежит долг взаимности в отношении родителей, но они никогда не смогут отдать его, так как это не товарный долг, а отношения между поколениями, не имеющие даты погашения.

Семейное фермерское хозяйство выгодно государству из-за своей функциональности, поскольку снижает цены на сельхозпродукцию в силу того, что часть труда, затраченного на ее производство, не закладывается в стоимость продукта. Психологическая цена в виде неоплаченных часов труда, которую платят работающие в сельском хозяйстве, становится, таким образом, лишь внешним негативным фактором экономической деятельности. Соединение трудовых и семейных отношений, являющееся основной чертой французского сельского хозяйства, предопределяет крайне суицидогенную ситуацию, считает автор.

Таким образом, самоубийства молодых фермеров заставили обратиться к мало изученному дюркгеймовскому типу фаталистического самоубийства. Выявление механизмов, создающих высокую напряженность социальных отношений в этой сфере, кажется автору крайне важным в связи с тем, что государства поощряют модель семейного ведения сельского хозяйства. Он отмечает, что представленный в статье анализ не исчерпывает «сельскохозяйственные» самоубийства и представляет лишь одну из суицидогенных схем, относящуюся к молодым фермерам. Он также зада-

Реф. ст.: Деффонтен Н. Переосмысление фаталистического самоубийства: фермеры: забытый тип в фокусе социальных исследований

ется вопросом, обусловлены ли эти фаталистические самоубийства исключительно сельскохозяйственным контекстом, отличающимся крайне тесным наложением семейной и профессиональной сфер. Он предполагает, что схожие схемы, чреватые суицидами, могут возникать среди ремесленников и на мелких семейных предприятиях. Кроме того, по его мнению, имеет смысл протестировать фаталистический тип самоубийства как аналитическую модель в сфере наемного труда по мере того, как работа выходит за пространственные и временные рамки и переносится в домашнюю сферу. Особенно в связи с тем, что новые методы менеджмента как раз имеют тенденцию поощрять проницаемость этих границ ради большей трудовой мобилизации индивидов и де-факто увеличения времени труда. Тем самым типология самоубийств Дюркгейма может в ближайшее время оказаться крайне плодотворной для осмысления самоубийств, связанных с работой.

*Е.Л. Ушкова**

* Ушкова Екатерина Леонидовна – ведущий редактор отдела глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: veger@list.ru